

7. **Цветаева М.** Собрание сочинений: в 7 т.: [Текст] / М. Цветаева. – М.: Эллис Лак, 1994–1995.

Надійшла до редколегії 23.05.2009.

УДК 821.161.1 – 9(082)

В. Б. Мусий

Одесса

О ЖИВОТНОМ МАГНЕТИЗМЕ И ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПСИХОЛОГИЗМЕ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ НАЧАЛА XIX ВЕКА

Аналізуються твори Ант. Погорельського, В. Одоєвського, М. Греча, встановлюється зв'язок між процесом набуття російською літературою художності та розвитком інтересу до внутрішнього життя індивідуальності, художніми завданнями авторів та особливостями інтерпретації ними явищ несвідомого.

Ключові слова: преромантизм, романтизм, інтерпретація, несвідоме.

Анализируются произведения Ант. Погорельского, В. Одоевского, Н. Греча, устанавливается связь между процессом обретения русской литературой художественности и развитием в ней интереса к душевной жизни индивидуальности, художественными задачами авторов и особенностями интерпретации явлений бессознательного.

Ключевые слова: преромантизм, романтизм, интерпретация, бессознательное.

The analysis of the connection between psychologism in novels by Ant. Pogorelsky, V. Odoevsky and N. Grech is carried out as well as the concern of the artistic development of Russian literature, artistic tasks of the writers and ways of their interpretation of unconscious.

Key words: preromanticism, romanticism, interpretation, unconscious.

Психологизм и его типы; психологизм и психологический анализ; формы психологического анализа в художественном произведении – это те проблемы, решению которых были посвящены работы многих авторов, начиная еще с Аристотеля. Среди ученых XX века – А. Б. Есин, Л. Я. Гинзбург, В. В. Компаниец, Н. Д. Левитов, В. В. Фащенко, А. А. Слюсарь. Интерес к психологизму усилился с выделением философско-антропологического подхода в систему. Однако особенности художественного познания русскими преромантиками и романтиками бессознательного пока еще остаются мало изученными. Цель данной статьи – выявить связь между интересом русских литераторов к открытиям в области биологии и психологии (явления так называемого «животного магнетизма»), распространением идей агностицизма, иррационализма и мистицизма и художественным психологизмом.

Психологизм начинает формироваться в русской литературе с утверждением представления об индивидуальной ценности человека к концу XVIII – началу XIX века. Особенное внимание писатели уделяли самой загадочной составляющей психической деятельности – бессознательному, в частности, тем явлениям, которые современные ученые связывают с гипнозом, а ранее именовали магнетизмом. При этом неизменно называлось имя Франца Антона Месмера, утверждавшего наличие связи между космическими и земными телами посредством необычайно тонкой жидкости, точнее, флюидов. «Способность животного тела воспринимать влияние небесных светил и взаимно влиять на окружающие предметы будет всего понятнее, – писал д-р

Леманн, комментируя систему Месмера, – если сравнить ее с магнетизмом, а потому ее и можно назвать «животным магнетизмом» [3, с. 365].

Правда сам Альфред Леманн был убежден в том, что Месмер лишь развил то, о чем ранее него писали Парацельс и Ван Гельмонт. Так, в частности, Авреолусом Парацельсом был изобретен «симпатический» способ лечения людей путем извлечения из тела болезни (точнее, ее «магнитов») и перенесения ее на другие тела, растения или же закапывания в землю. Врачебная деятельность Месмера была менее экзотической. Он влиял на состояние пациентов, погруженных под воздействием его пристального взора и ручных пассов в гипнотический сон, с помощью внушения, поскольку был убежден, что из его «намагниченного» тела исходит целебная сила, которая нормализует течение флюидов в организме пациента. Позже ученые перевели идеи Месмера о животном магнетизме в область психологии (Б. Франклин), связав его с «воображением», и нашли для него новый термин. Сначала – «нейрогипнология», затем – «нервный сон» и, наконец, «гипнотизм» (Дж. Брэд) [8].

В России в конце XVIII – начале XIX в. о магнетических явлениях писали многие. А. Н. Радищев связал их с присутствием «нервной жидкости» («О человеке, его смертности и бессмертии»), Д. М. Велланский – с наличием «огненной сферы»: не случайно, отмечал он, пациенты, на которых воздействуют магнетически, ощущают голубой огонь, «истекающий» из руки доктора («Животный магнетизм, представленный в историческом, практическом и теоретическом содержании»). К художественному осмыслению процессов внутренней жизни человека обратились литераторы. Сон, вызванный путем внушения, то есть магнетический (на языке XIX века), оценивался «как сообщение от таинственного другого» [4, с. 124] и зачастую подвергался мифологизации. Это приложимо к «Страшной мести» Н. Гоголя, поскольку сны Катерины являются реализацией воли колдуна, ее отца. А также к «Орлахской крестьянке» В. Одоевского. Героиня повести Энхен узнает о событиях, имевших место четыреста лет назад, а также о некоторых будущих обстоятельствах своей собственной жизни, общаясь с призраками. А позже она впадает в полубессознательное состояние, которое, как ей показалось, было вызвано тем, что черный дух вошел в нее. Окружающие видят, как «Энхен замолкла, побледнела; лицо ее приняло зверское выражение, глаза плотно сомкнулись; когда силою поднимали ее веки, зрачка не было видно; пульс не переменялся, а между тем вся левая сторона была холодна как лед. В ту же минуту она заговорила голосом черного» [5, с. 346].

С размышления о сути магнетических явлений должен был начаться так и не завершенный Ант. Погорельским роман «Магнетизер» (1830). Его героиня, девушка Паша рассказывает родителям о странных и драматических событиях в петербургском доме графини Т***. Горничную Катерину, подверженную «раза два или три в день» припадкам, во время которых она «плакала, смеялась, говорила бог знает что», смог избавить от болезни итальянец, маркиз, недавно приехавший в Россию [6, с. 358]. Использовал он при этом традиционные для магнетизеров приемы. Он, вспоминает девушка, «устремил проницательный

взор свой прямо на больную. Подошел к кровати, схватил руку – и больная задрожала, потом успокоилась» [6, с. 359].

При этом сама Паша, бывшая свидетельницей сеанса, пережила противоречивые чувства к маркизу: и страх, и ощущение подчинения его власти. Ей показалось, что взор, который бросил магнетизер на нее, «вонзился» в ее сердце «в виде огненной стрелы», она почувствовала, что ее ноги подгибались, и она «через силу» смогла выйти из комнаты. В результате горничная Катерина была полностью излечена, а сама Пашенька «страдала долгое время после того» [6, с. 360]. У нас нет возможности предположить, как развивалось бы дальше действие. Оно могло сосредоточиться вокруг ситуации новой встречи девушки с маркизом, ее окончательного освобождения от его «чар», или же подчинения ему и гибели. Судя по тому, что следующая часть начиналась с сообщения о влечении ее отца к книгам и знанию, можно предположить, что магнетизм, о котором он прочитал в новом журнале, заинтересует его настолько, что он попытается как-то воздействовать на состояние дочери с целью помочь ей. Но это, безусловно, только предположения.

В качестве законченного художественного произведения, в котором ведущим является психологический аспект в решении проблемы магнетических явлений, может быть рассмотрен роман Н. Греча «Черная женщина» (1834). В его основе, как сообщает автор в посвящении, – «невымысленный рассказ» о человеке, напуганном в детстве страшным видением. В дальнейшем оно сделалось его «неразлучным спутником», и освободиться от него он смог лишь после того, как видение «повторилось перед глазами мечтателя в действительности» [2, с. 7]. О том, что писатель основывался на «невымысленном», свидетельствуют и его мемуары «Записки о моей жизни». «Странное было тогда время, – пишет он о последних десятилетиях XVIII века, – просвещение распространялось повсюду, а между тем верование в алхимию, в призывание духов, в предсказания, в ворожбу занимали серьезно людей умных и образованных» [1, с. 36]. Но и он, уже в новое время, в середине XIX века, всерьез относится к тому, что его прабабка «при веселом характере, одарена была вторым зрением: нередко предчувствовала и предвидела, что случится» [1, с. 22].

Видение умершего пережила его бабка. Ей явился находившийся далеко от нее сын. А через две недели она узнала из письма, что точно в тот день и час, когда она увидела его, он умер от моровой язвы [1, с. 16]. «И вещи сновидения, и необыкновенные предчувствия» [1, с. 32] имела, по словам Н. Греча, его мать, которая, как он замечает, «действительно одарена была каким-то шотландским вторым зрением» [1, с. 31]. Семейные предания помогли Н. Гречу в художественной разработке проблемы бессознательного.

Доминирующей в романе является оценка загадочного Петром Антоновичем Алимари, «почтенным старцем лет семидесяти». Все в его внешности располагает к доверию и признанию его мудрости. Именно он и озвучивает понимание самим автором природы загадочных явлений как произведений психического, того, что «видится душе нашей, когда она

погружена в полноту ... забвения внешнего мира» [2, с. 127]. Сны Алимари подразделяет на естественные и магнетические. Он не только рассуждает о психическом, но однажды использует свои знания и в лечебных целях. Когда Алимари сообщает о страданиях женщины, которая плыла на одном с ними корабле, он решает воздействовать на нее с помощью «магнетических» сил. Он «подошел к ней, вперил свои взоры в закрытые глаза ее – она вздрогнула, и вскоре потом улыбка пролетела по ее устам». Затем Алимари «наклонился к ней, разогнул ее руки, опустил их вдоль тела и начал водить своими руками по лицу ее, потом, расширяя мало-помалу круги, делаемые руками, опускал их к предсердию. Страдалица поутихла...» [2, с. 209].

Кемский, бывший свидетелем происходящего, убеждается в связи магнетизма и ясновидения. Алимари предлагает ему подойти к лежащей в забытии женщине и, держа одну руку возле ее предсердия, другой берет за руку князя. В результате находящаяся в «магнетическом» состоянии угадывает не только душевное состояние Кемского, но и говорит о видимой ею женщине «в черной мантии», с которой суждено ему встретиться, о младенце, который утешает молящуюся. Так приоткрывается будущее Кемского после встречи с Наташей и их дочерью.

Еще более поразительным для героя было то, что слова находившейся в магнетическом сне женщины совпали с его собственными снами. А после этого эпизода на корабле ему и самому суждено было пережить видение – в его комнате появились жена и дочь. «Через несколько времени, – сообщает повествователь, – и эти легкие сновидения отлетели; он открыл глаза. Лампада перед образом пылала ярче обыкновенного. В одном углу комнаты сидела Наташа во всегдашнем своем черном платье, облокотясь о стол, и томными глазами, в которых выражались и нежность и грусть, и воспоминание и надежда, смотрела в другой угол, темный, недосыгаемый свету лампы. Вдруг и эта сторона стала проясняться: мало-помалу явился там лик младенца...» [2, с. 211]. И так же внезапно, как появились, эти образы «тонут во мраке», лампада погасает, и Кемский еще долгое время сомневается, не было ли это сном.

Не случайно статья О. Сенковского об этом романе Н. Греча была названа «Черная женщина и животный магнетизм...» (у Сенковского – магнетизм). Определив задачу автора «употребить магнетические чудеса в виде пружины» действия как в литературном отношении «чрезвычайно оригинальную» и выполненную с «большим искусством», он не смог согласиться с истинностью идеи, выраженной в романе, в научном отношении. Животный магнетизм О. Сенковский отнес к «одной из самых сомнительных отраслей положительного знания, еще не очистившейся от заслуженного упрека в шарлатанстве» [7, с. 85]. Еще более серьезное возражение вызвало у О. Сенковского стремление Н. Греча «употреблять животный магнетизм во всем его пространстве в подкрепление предложенной истины преобладания в мире духовного начала», поскольку «теория этого магнетизма в конечном своем итоге низводит душу человеческую на степень вещественного деятеля» [7, с. 85].

В связи с особенным интересом, который вызывала в обществе решаемая в романе проблема связи психического и «магнитического», О. Сенковский посчитал необходимым обосновать свое, «естественное», как он выразился, толкование этих явлений. Начал он с разделения понятий «животная душа человека» и «духовная душа». «Летучую жидкость», для которой возможны самые различные названия («животное электричество», «животный магнетизм», «высокий нервный сок»), он определил как «эфирное вещество, добываемое нервами из грубого вещества яств, превращенных в кровь». Оно присутствует не только в человеке, но и в телах животных, в ископаемых – разлито во всей природе. Множество «умственных отправлений» должно быть связано с этой, «вещественной», «животной» душой. Но отражением в человеке «великой мысли миров», то есть той «таинственной души, которая ускользает от всех наблюдений и опытов», и которая, по всей вероятности, и позволяет человеку проявлять ясновидение, является «духовная душа» [7, с. 96-98]. Из этого следует, что, по мнению О. Сенковского, «чудесные» явления животного магнетизма никак не могут быть связаны с деятельностью «духовной, настоящей души человека» [7, с. 97].

На наш взгляд, принципиального различия в объяснении природы бессознательного Н. Гречем и О. Сенковским не было. Возражения автору «Черной женщины» касались различия в определении степени взаимосвязанности результатов деятельности нервной системы и духа. Но подробность изложения О. Сенковским своих взглядов на «животный магнетизм», а также выделение этого в значительной степени загадочного психического явления в качестве ведущего в романе Н. Греча «Черная женщина» свидетельствуют о серьезности интереса обоих писателей к проблеме бессознательного. В конечном итоге оба, и Н. Греч, и О. Сенковский признавали возможным наличие «магнетизма», благодаря которому человеку удавалось «прозревать» скрытое от него в действительности или же влиять на физическое и душевное состояние другого человека, оба исходили из того, что поступками человека управляет душа.

Для О. Сенковского ясновидение, которое он связывал с физиологией, особенностями материального – нервной системы, дано пережить любому человеку, и оно ни в коем случае не может равняться тому, что является «святым угодникам» – то есть духовному, идущему от Бога. «Сны и видения святых угодников, – писал он, – суть следствие особенной благодати Божией, суть влияние духа, происходят извне, не имеют никакой связи с магнетизмом, ни с изучением природы, и они-то принадлежат к духовному миру; но вещи сновидения бедных грешников – просто явление материального мира и результат животной организации» [7, с. 100]. Для Н. Греча ясновидение и духовидение тождественны и доступны только избранным натурам. Различие, таким образом, коснулось лишь в отношении к именованию бессознательного «животным» («животный магнетизм»). Но для нас важнее в статье О. Сенковского другое. Критик высоко оценивает художественную сторону романа Н. Греча. «Несбыточная ученая цель автора, – писал он, в сторону, а в литературном отношении мысль употребить магнитические чудеса в виде

пружины повести чрезвычайно оригинальна и искусство сочинителя открыло в ней для себя источник сильной занимательности» [7, с. 107].

О. Сенковский, на наш взгляд, обратил внимание на главную сторону не только данного произведения Н. Греча, но и литературы начала XIX века в целом – в ней постепенно утверждалась художественность. И исследование тайных движений психической жизни в первую очередь было направлено на художественные задачи – создание характеров, реализацию установки на занимательность и эмоциональное воздействие на читателя. Литература призвана была теперь не разъяснять, убеждать, воспитывать и образовывать, но увлекать, поражать воображение и приобщать к разгадке таинственного вместе с героями, повествователем и автором.

При этом обращение к проявлениям бессознательного, в частности, магнетического, приобретало различное толкование. У Погорельского на первом плане – этическая оценка результатов действий магнетизера, который, обладая способностью воздействовать на чужую душу, подчинял ее себе, разрушая при этом внутреннее равновесие в пациенте. Писателей-романтиков в большей степени интересовала сама по себе природа магнетической власти. И если в произведении создавалась видимость передачи народной оценки – магнетизм приобретал характер колдовства, подчинения воле чародея. Если передавалась точка зрения, близкая авторской – магнетические явления связывались с активизацией инстинктуального (Одоевский), с особой душевной конституцией героя, оказывавшегося при этом духовидцем. Но в любом случае магнетическое – то же самое, что и таинственное, непознанное, а потому – фантастическое.

Библиографические ссылки

1. **Греч Н. И.** Записки о моей жизни: [Текст] / Н. И. Греч. – М.: Книга, 1990. – 396 с.
2. **Греч Н. И.** Черная женщина: [Текст] / Н. И. Греч // Три старинных романа: В 2 кн. Кн. 2. – М.: Современник, 1990. – С.8–318.
3. Иллюстрированная история суеверий и волшебства. От древности до наших дней: [Текст] / Сост. д-р Леманн. – К.: Україна, 1991. – 400 с.
4. **Лотман Ю. М.** Семиосфера: [Текст] / Ю.М. Лотман. – СПб.: Искусство-СПБ, 2000. – 704 с.
5. **Одоевский В. Ф.** Орлахская крестьянка: [Текст] / В.Ф. Одоевский // Русская романтическая новелла. – М.: Худож. л-ра, 1989. – С.335–349.
6. **Погорельский Ант.** Магнетизер (Отрывок из нового романа): [Текст] / Ант. Погорельский // Антоний Погорельский (Алексей Алексеевич Перовский). Избранное. – М.: Сов. Россия, 1985. – С.356–363.
7. **Сенковский О.** Черная женщина и животный магнетизм. По поводу романа Черная женщина, Н. Греча. 1834: [Текст] / О. Сенковский // О. Сенковский (барон Брамбеус). Собр. соч. Т. 8. – СПб., 1850. – С. 83–108.
8. **Ярошевский М. Г.** От «животного магнетизма» к охлотелесуггестии: [Текст] / М.Г. Ярошевский // Вопр. психологии. – 1994. – № 3. – С. 27–37.

Надійшла до редколегії 22.05.2009.